

М.Е.
САЛТЫКОВ-ШЕДРИН

СКАЗКИ

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Деревенский пожар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319192

Содержание

***

4

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Деревенский пожар *(Ни то сказка, ни то быль)*

* * *

В деревне Софонихе около полден вспыхнул пожар. Это случилось в самый развал июньской пахоты. И мужики и бабы были в поле. Сказывали: шел мимо деревни солдатик, присел на завалинку, покурил трубочки и ушел. А вслед за ним загорелось.

Деревня сгорела дотла. Только тот порядок, где были житницы, уцелел наполовину. Мужики в одночасье потеряли все и сделались нищими. Сгорела бабушка Прасковья, да еще Татьянин мальчик Петька. Мужики и бабы, завидев густой дым, бежали с поля как угорелые, оставив сохи и лошадей. Но спасать было уже нечего. Хорошо, что скота не было дома да навоз был только что вывезен, а то пришлось бы совсем хоть помирай. Малолетки, которые в минуту пожара играли на улице, спаслись в речку и отчаянно ревели. Девочки-подростки с младенцами на руках испуганно выглядыва-

ли на обуглившиеся избы и обнаженные остовы печей.

Тетка Татьяна была бодрая и еще молодая бобылка. Лет шесть тому назад у нее умер муж, но она продолжала держать хозяйство. Платила миру за половину надела, сама пахала, косила и жала. У нее был единственный сын Петька, лет восьми, в котором она души не чаяла и в котором уже видела будущего мужика. Он и сам видел в себе мужика и говорил:

– Я, мама, буду мужик... хресьянин.

Вся деревня его любила. Мальчик был вострый и ласковый и уже ходил в школу. Бывало, идет по деревне мимо стариков.

– Ну что, мужичок, помогаешь мамке? – спрашивают старики.

– Помогаю.

Между тем улица запружалась всяким мужицким хламом; мужику все дорого, все надобно. Домохозяева, окруженные домочадцами, бродили каждый по своему пепелищу и тащили все, что попадалось на глаза: старую подошву, заржавленный гвоздь, обрывок шлеи, обломок сошника и проч. У некоторых уцелели подполицы; но так как время было голодное (петров пост), то подполицы были пусты. Один заведомый нищий, лет десять ходивший «в кусочки», метался и кричал:

– Где моя кубышка? где? кто унес? сказывайте: кто? Бабушка Авдотья ходила взад и вперед по улице и всем показывала два обгоревших выигранных билета внутреннего зай-

ма. Обгорели края; середка с несколькими купонами осталась цела.

– Чай, выдадут! – утешал ее староста Михей. – Ишь и номера видны (на уцелевших купонах); ужо барыня в Питере похлопочет¹

Старики собрались в кучу и обсуждали мирскую нужу. На всех лицах была написана душевная мука; у некоторых глаза сочились слезами. Решили: идти всем миром, поклониться соседней одновотчинной деревне, чтобы дала приют погорельцам, покуда не будут устроены хотя какие-нибудь временные помещения. Затем снарядили старосту и послали верхом в город, в управу, за пособием и страховыми.

Пришел сельский батюшка и, похаживая между мужиками, утешал их.

– Кто дал? Бог! – говорил он. – Кто взял? Бог! Неужто ж он не знает?

Мужики молча ему поклонились.

– А вы не унывайте! – продолжал батюшка. – С какого права? почему? как? кто дозволил? Скот – при вас, земледельческие орудия целехоньки, навоз вывезен – чего еще

---

¹ Факт. В 1872 году приходила к автору крестьянка села Заозерья (Углицкого уезда) и показывала два или три обгоревших по краям билета, но так, что на уцелевших посередке купонах видны были и № билета и серии. Я просил некоторых добрых знакомых ходатайствовать в банке. Всем казалось дело несомненным, но г. Ламанский, тогдашний управляющий банком, рассудил иначе. Ни возобновить билеты, ни даже выдать за них нарицательную цену оказалось невозможно. Это, изволите видеть, польза банка. Вот как истинные сановники блюдут интересы казны! (Прим. автора.)

земледельцу нужно? А вы ропщете! Вот уж управа на постройку денег отпустит; помещица – нуждающимся хлеба пришлет; и я тоже... разве я не молюсь за вас? Я не только за вас, но и за всех молюсь. «И всех православных христиан» – вот как.

Опять поклонились мужики, а словоохотливый батюшка продолжал:

– Коли страх божий будете в сердцах сохранять да храм божий усердно посещать, так и не увидите, как бог сторицей вознаградит. Хлеб нынче обещает жатву изрядную. Озимые отменные; яровые, бог даст, поправятся. Ужо снимете у барыни полевину – вот вы и с сеном. Свезете по возку, по другому – ан и денежки в кошеле завелись; а там озимое, ржицы на базар свезете – опять деньги; а наконец и овсецо – тоже деньги. В будущем же году и не увидите, как на месте истребленных неумолимым пламенем хижин будут красоваться новые дома, удобные и просторные, и все вы поживете в них, кийждо под смоковницею своею, и всерадостно и всецело возблагодарите господу вашему за ниспосланное вам благодеяние. Вот увидите.

А тетка Татьяна беспомощно ходила по своему пепелищу, сгребала тлеющие бревна и выкрикала:

– Петь, а Петь, где ты, милый? Откликнись!

И не слыхала, как ветхий старик Калистратыч говорил ей:

– Смотри, не в лес ли он убёг? Давеча видел я его. Сидел я у житницы на приступочке, как ваша-то изба занялась.

Смотрю: кружится Петька по горнице, рубашонкой раздувает. Я ему кричу: толкни, милый, дверь, толкни! Только кружился он, кружился, а потом и ничего не стало видно. Наверное, убёг в лес с испугу.

Но Татьяна ничего не чувствовала, кроме того, что сердце ее рвется на части.

– Петь, а Петь! где ты, милый? Откликнись! – раздавался ее вопль среди общего говора деревенского люда.

Наконец человека два сжалились над нею и пришли на помощь. Разворочали обрушившийся потолок и под дымящимися обломками его нашли труп мальчика. Вся сторона тела и лица, обращенная кверху, представляла безобразную черную массу; но та, которая прилежала к полу, осталась нетронутою.

Татьяна пошатнулась, в глазах потемнело, и из груди на всю деревню вырвался потрясающий ее вопль:

– Господи! видишь ли?

Этот вопль услышал и батюшка и, разумеется, поспешил с утешением.

– Ропщешь? – говорил он с ласковой укоризной. – А Иова помнишь? Нет? Так я тебе напомним! Он был богат и славен, имел детей, стада и сокровища – и вдруг, с дозволения божия, все было у него отнято: и дети, и скот, и друзья, а сам он был поражен проказою, изгнан из города и лежал у городских ворот, на гноище. Псы лизали его раны... псы! Но и за всем тем он не токмо не возроптал, но наипаче возлюбил гос-

пода, создавшего его. И бог, видя такую его преданность, воззрел на него. Через короткое время Иов был и здоров, и богат, и славен более прежнего. Стада умножились, детей народилось достаточно, словом сказать – все...

Однако и батюшкины увещания доходили до Татьяны в форме смутного и назойливого шума. Она устремила глаза на ту линию, которая разделяла уцелевшую часть Петькина лица от обуглившейся, и тихо шептала:

– Господи! видишь ли?

В усадьбе в это время добрая барыня, Анна Андреевна Копейщикова, праздновала день своего рождения. Собрались немногие, но искренние друзья: предводитель Кипящев с женою, исправник Шипящев с племянницею, да еще Иван Иваныч Глаз, партикулярный человек, про которого говорили, что при нем язык за зубами держать надо. Впрочем, так как тут были всё люди, при которых тоже нужно было язык держать на привязи (сама Анна Андреевна говорила, что она где-то «служит»), то Иван Иваныч чувствовал себя в этой компании очень удобно. Присутствовал тут и батюшка с попадьей.

Анна Андреевна была генеральская вдова, лет сорока с небольшим, еще красивая и особенно выдающаяся роскошным бюстом на балах и вечерах, где обязательно декольте и где ее бюст приковывал к себе взоры людей всех возрастов и всех оружий. Но она раз навсегда сказала себе: «Ni-ni –

c'est fini»,² и всю себя отдала своим детям. За это в свете про нее говорили: «C'est une sainte»,³ а за патриотизм: «C'est une fiere matrone!»⁴ Как и все русские дамы, она говорила по-французски, знала un peu d'arithmetique, un peu de geographie et un peu de mythologie (cette pauvre Leda!),⁵ долго жила за границей, а в последнее время сделалась патриоткой и полюбила «добрый русский народ». Три года тому назад она посетила родное Горбилево и с тех пор ездила туда каждое лето. Поставила в саду мавзолей покойному мужу и каждый день молилась. Ни с кем не знакомилась, кроме испытанных «друзей порядка», хозяйства не вела, а отдавала землю мужикам исполу и, видимо, экономничала. У нее был сын Сережа, правовед лет шестнадцати, и восемнадцатилетняя дочь Верочка, шустрая особа, которая тоже знала un peu d'arithmetique et un peu de mythologie.

Господа уже возвратились из церкви и сидели за завтраком, когда прибежали сказать, что Софониха горит. Батюшка мгновенно скрылся увещевать: прочие побежали к окнам и смотрели. За громадной тучей дыма не было видно пламени, но дым прямо летел по ветру на усадьбу, и чувствовался в комнатах горький запах его. Людей тоже не было видно, но

---

² Ни-ни – это кончено (франц.)

³ Это – святая (франц.)

⁴ Это твердая патрицианка! (франц.)

⁵ Немножко арифметики, немножко географии и немножко мифологии (ах, эта бедная Леда!) (франц.)

по дороге вбежали к пожарищу толпы соседних крестьян и дворовых.

– Как вы хотите, господа, – сказала наконец Анна Андреевна, – а я не могу оставаться равнодушной зрительницей. Ведь они – мои. Злые люди разлучили нас, – надеюсь, временно, – но я все-таки помню, что они – мои.

Но ей не дали одной совершить подвиг самоотвержения, и всей компанией вызвались сопутствовать ей.

– Да и вообще это наш долг, – продолжала Анна Андреевна, – если б даже это были и не мои крестьяне, все-таки наша священная обязанность – быть там, где страдают. Мы обеднели, мы обижены... но мы всё забыли. Мы помним только, что к нам обращает взоры страждущий меньший брат!

Узнавши, что в этот день пекли хлебы для рабочих и дворовых, она велела разрезать несколько на ломти и снести погорельцам.

– А завтра опять испечете хлеба для своих... надо же! Да не забудьте солью посыпать!

Словом сказать, сделала все, что было в ее власти, и наконец захватила портмоне, сказав: «Это на всякий случай!» И Верочка, по примеру матери, взяла кошелек с заветными светленькими монетами.

Компания остановилась у входа в деревню, но Верочка и мамзель Шипящева не утерпели и пошли вглубь по улице.

– Скажите мужичкам, что я им две четверти ржи жертвую! – крикнула им вслед Анна Андреевна.

Минут через пять Верочка прибежала назад, вся в слезах.

– Ах, мамочка! – объявила она. – Там есть бедная женщина, у которой сторел мальчик-сын! Ах, как страшно... Что с ней делается! Батюшка увещевает ее, а она не слушается, только повторяет: «Господи! видишь ли?» Мамочка! это ужасно, ужасно, ужасно!

– Жаль бедную, но какая ты, однако ж, нервная, Вера! – упрекнула ее Анна Андреевна. – Это не годится, мой друг! Везде промысел – это прежде всего нужно помнить! Конечно... это большая утрата; но бывают и не такие, а мы покоряемся и терпим! Помнишь: крах Баймакова и наш текущий счет... Давал шесть процентов... и что ж! Впрочем, соловья баснями не кормят. Господа, – обратилась она к окружающим, – сделаемте маленькую коллекту⁶ в пользу бедной страдальицы матери! Кто сколько может!

Она трепетною рукою вынула из портмоне десятирублевую бумажку, положила ее на ладонь и протянула руку. Верочка тотчас же положила туда весь свой кошелек; гости тоже вынули несколько мелких ассигнаций. Только Иван Иванович Глаз отвернулся в сторону и посвистывал. Собралось около тридцати рублей.

– Ну вот, снеси ей! – сказала Анна Андреевна дочери. – Скажи, что свет не без добрых людей. Да подтверди мужичкам насчет ржи... две четверти! Да хлеба принесли ли? Скажи, чтоб роздали! Это для утоления первого голода!

---

⁶ Сбор пожертвований (франц. la collecte)

Верочка быстро побежала. Ей представлялось в эту минуту, что она – ангел-хранитель и помавает серебряными крыльями в небесной лазури с тридцатью рублями в руках. Она застала Татьяну все в том же положении. Последняя стояла с широко открытыми глазами, машинально шевелила губами, без всякого признака самочувствия. Батюшка по-прежнему стоял подле нее и рассказывал пример из истории первых мучеников времен жестокого царя Нерона. Татьяне еще не представлялся вопрос: что с ней будет? нужна ли ей изба, поле и вообще все, что до сих пор наполняло ее жизнь? или она должна будет скитаться по белу свету в батрачках?

И вдруг – ангел-хранитель.

– На тебе, милая! мамочка прислала! – говорила Верочка, протягивая деньги.

Татьяна ничего не поняла, даже не взглянула на милостыню.

– Бери, строптивая! – увещевал ее батюшка. – Добрые господа жалуют, а ты небрежешь!

Даже мужички заинтересовались и принялись уговаривать:

– Бери, тетка Татьяна, бери, коли дают! на избу пригодится... бери!

Татьяна не шелохнулась.

Верочка постояла, положила деньги на землю и удалилась огорченная. Батюшка поднял их.

– Ну, ежели ты не хочешь брать, – сказал он, – так я ими

на церковное украшение воспользуюсь. Вот у нас паникадило плоховато, так мы старенькое-то в лом отдадим да вместе с этими деньгами и взбодрим новое! Засвидетельствуйте, православные!

– Мамочка, она не взяла! – говорила Верочка со слезами в голосе.

Изумились.

– Однако душок-то этот в них еще есть! не выбили! – загадочно молвил Глаз.

Но на этот раз Анна Андреевна не согласилась с ним.

– Есть душок – это правда; но не следует терять из вида глубину ее горя! Только сердце матери может понять, каково потерять... сына!

Предсказание батюшкино сбылось. Года через два я проезжал мимо Софонихи и увидел сущую метаморфозу. На месте старого пепелища стоял порядок новых домов, высоких и сравнительно просторных. Крыши, правда, были крыты соломой, но под щетку, так что глаз не огорчался ни махрами, ни висящими ключьями. Новые срубы блестели на солнце, как облупленное яичко. Только на месте Татьяниной избы валялись неприбранные головешки, а сама она скрылась из деревни неизвестно куда. Должно быть, по святым местам странствует, Христовым именем. Мужики жили дружно и, следовательно, исправно. Усердно работали, платили выкупные и мирские платежи безнедоимочно, отбывали повинности: рекрутскую, подводную и дорожную. Ежели же требова-

лось сверх того, то и это исполняли с готовностью.

Исправник Шипяцев не нахвалится ими.

– Эта деревня у меня – в первом номере! – говорит он.
Бог в помощь, ребята!